

Байнин Сергей Вячеславович

ПОЭЗИЯ НИКОЛАЯ КЛЮЕВА В КРИТИКЕ В. Л. ЛЬВОВА-РОГАЧЕВСКОГО

Статья рассматривает одно из направлений критики 1910-х - начала 1920-х годов творчества "крестьянского" поэта Н. А. Клюева. В предреволюционные события 1917 года о поэте на страницах отечественной периодики писали символисты, акмеисты, идеологи "голгофского" христианства и другие. Критик-марксист В. Л. Львов-Рогачевский выделялся на фоне остальных не только собственным мнением о поэзии и личности Клюева, но и идеологическими принципами, которыми он руководствовался.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/9-1/9.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 9 (51): в 2-х ч. Ч. I. С. 43-45. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161.1.0

Филологические науки

Статья рассматривает одно из направлений критики 1910-х – начала 1920-х годов творчества «крестьянского» поэта Н. А. Клюева. В предреволюционные события 1917 года о поэте на страницах отечественной периодики писали символисты, акмеисты, идеологи «голгофского» христианства и другие. Критик-марксист В. Л. Львов-Рогачевский выделялся на фоне остальных не только собственным мнением о поэзии и личности Клюева, но и идеологическими принципами, которыми он руководствовался.

Ключевые слова и фразы: «народный» поэт; марксистская критика; вульгарный социологизм; социальный класс; символизм.

Байнин Сергей Вячеславович

*Вологодский государственный университет
sergeibainin@yandex.ru*

ПОЭЗИЯ НИКОЛАЯ КЛЮЕВА В КРИТИКЕ В. Л. ЛЬВОВА-РОГАЧЕВСКОГО ©

В своих суждениях о литературе В. Л. Львов-Рогачевский исходил из того, что истинно талантливая личность легко может перейти за пределы своего класса, стать выше его. Поэтому в его работах так много внимания уделяется исследованию биографии писателя. Повышенный интерес Львова-Рогачевского к биографии художника – одна из причин той резкой критики, которой он подвергся в начале 1930-х годов. «Загромождавая свои работы обильным биографическим и историко-культурным материалом, уклоняясь в сторону в поисках “духа времени”, – упрекала критика Л. Новицкая, – Львов-Рогачевский вместе с тем теряет из виду основной критерий анализа – момент классовой борьбы, важную роль которой он декларирует в предисловиях» [6, стб. 644].

Помимо этого Львов-Рогачевский, называвший себя материалистом-диалектиком, еще до революции в рамках меньшевистского литературоведения наряду с И. Н. Кубиковым и Л. Н. Войтоловским отделял форму от содержания художественного произведения. Содержание в этом случае понималось как совокупность идей вне плана выражения, поверхностное реалистическое изображение действительности. Следовательно, форма уже анализировалась как элемент, лишенный классового смысла. Львов-Рогачевский стремился объединить, таким образом, марксистскую критику с формализмом. На этот принцип в дальнейшем опирался не только Львов-Рогачевский в «Новейшей русской литературе» (1923), но и Л. Д. Троцкий в книге «Литература и революция» (1923).

Познакомившись с первым сборником «крестьянского» поэта Н. А. Клюева «Сосен перезвон», Львов-Рогачевский оценил непосредственность «молодого поэта-крестьянина» из северной глубинки. «Н. Клюев приносит в строгую размеренную поэзию ту свежую струю, – пишет критик на страницах “Современного мира”, – тот аромат полей и сосен перезвон, которых не знают поэты-эрудиты и которыми так богата поэзия Бунина» [10, с. 343]. (Бунин, по оценочной шкале критика, последний настоящий поэт уходящего прошлого, который «не воспел дворянскую усадьбу, а отпел ее» [13, с. 10]). В своей оценке сборника Клюева Львов-Рогачевский подчеркнул не только новое содержание, но и привлекательность формы – легкость стиха, своеобразный синтез символистских поэтических принципов с ученической наивностью. В заключение критик пожелал Клюеву продолжать «слышать голос полей, голос народа, голос родины» и идти дальше по выbranной стезе, стараясь «салонных певцов, чуждых народу» [10, с. 343].

«Братские песни» (1912), как и следовало ожидать, разочаровали Львова-Рогачевского по идеологическим причинам. В этот период Клюев попадает под влияние лидера голгофского христианства И. Брихничева. Последний стремился создать из Клюева поэта-пророка. Но, как считал Львов-Рогачевский, Клюеву никак не подходила роль ритора голгофства. Клюев в предисловии к сборнику указывает, что стихи созданы еще до «Сосен перезвон». Не вошли они в первую книгу, потому что не были записаны, а «передавались устно или письменно помимо меня, так как я до сих пор редко записывал свои песни, и некоторые из них исчезли из памяти» [3, с. 15]. Позже, утверждает Клюев, стихотворения были воспроизведены со слов других людей либо по их письменным обработкам. Критик оказался, пожалуй, единственным, у кого возникли иронические сомнения по этому поводу: «...уверен ли новый пророк, что его почитатели твердо запомнили песни и не прибавили от себя? Думается нам, было бы гораздо ценнее для автора многие из его песен забыть совершенно, а многие переработать заново, и переработать основательно, да не торопиться со второю книгой» [9, с. 326].

Львов-Рогачевский уже не обнаружил «той молитвенной тишины и сосредоточенности», «живого человеческого слова, идущего от сердца к сердцу и хватающего за живое», что так приглянулось ему в первой книге. В «Братских песнях», по мнению критика, ритм не совпадал с содержанием, формы вовсе не было, а включенные в конце сборника отзывы о первой книге необходимы лишь для направления читателей на нужное восприятие Клюева. Львов-Рогачевский настаивал, что Клюев в результате сотрудничества с Брихничевым и другими встал на дорогу гибели в развитии литературного таланта. Несколько позже в статье «Без тьмы и без героя» Львов-Рогачевский высказался на ту же тему еще резче: «Неужели Николай Клюев не чувствует всей пошлости этой суесть?!» [7, с. 104]. Здесь подразумевалось уже не только учение Ионы Брихничева, но и «наследство» символистов – акмеизм. Критик считал символизм «тупиковым направлением», но при этом признавал

заслуги символистов в совершенствовании поэтической формы и техники, в обогащении языка, высоко оценивал их переводческую работу. Футуристы, акмеисты и другие «наследники» символизма скатились, по его мнению, в крайний индивидуализм и никакой общественной и поэтической ценности не представляют.

Присутствовавший 15 февраля 1913 г. на выступлении акмеистов в Литературном обществе Львов-Рогачевский писал в газете «День», что среди выступавших больший интерес и волнение вызвал именно Клюев. Львов-Рогачевский еще раз убедился в популярности поэта после «Сосен перезвон» в различных литературных кругах. На этот раз ими оказались акмеисты. «Как это унижает талант!» – сожалеет Львов-Рогачевский [18, с. 3]. Также следует сказать, что именно на этом выступлении Клюев публично отрекся от акмеистов с фразой: «Рыба ищет, где глубже, человек, где лучше» [2, с. 302]. Клюев так или иначе узнал о статье и отреагировал на нее. В архиве основателя издательства «Гиперборей» и редактора журнала «Аполлон» М. Л. Лозинского сохранилось письмо Клюева в редакцию газеты «Биржевые ведомости». Клюев пишет о заявлении Львова-Рогачевского: «Мне это кажется обидным, и я спешу разуверить г. Львова-Рогачевского в его представлении обо мне как о полном незнайке своей дороги в искусстве. Мое тяготение именно к “Цеху поэтов”, а не к иным группам, вполне сознательно» [4, с. 206]. К. М. Азадовский предполагает, что письмо было написано по просьбе акмеистов, которые не хотели огласки, что их покинул «народный» поэт, и письмо могло послужить «распиской» в верности Клюева. Письмо так и не было опубликовано [1]. С. С. Куняев же видит в этом оскорбление скорее не «Цеха», а самого Клюева [5]. Действительно, поэт, ушедший из-под опеки символистов, Брихничева и К°, находился в поисках своего творческого кредо, и акмеизм был одним из этапов.

После революционных событий 1917 г. Львов-Рогачевский отошел от политики и полностью посвятил себя литературной критике. Однако вектор не поменялся. В отзыве на левозсеровский сборник «Красный звон», где помимо Клюева были напечатаны А. В. Ширяевец, С. А. Есенин и П. В. Орешин, критик утверждает, что не в нынешних революционных стихотворениях, а в ранних работах заложена «мысль грядущих перемен» [16]. Эти поэты «возродили кольцовскую песню, их стихи зазвучали, заиграли огнем, заискрились талантом, засверкали силой и заразили удалью» [15, с. 13], – пишет Львов-Рогачевский в статье «Поэты из народа», косвенно сожалея о вновь появившемся влиянии на «народного» поэта Клюева, но уже со стороны Р. В. Иванова-Разумника.

Клюев в послереволюционные годы стремился быть как можно ближе к пролетарской поэзии. И в этом плане Львов-Рогачевский согласно принципам социологизма не видел «крестьянского» поэта на одной странице пролетарского журнала с В. Т. Кирилловым или П. К. Бессалько. В этот период Львов-Рогачевский вводит понятие «новокрестьянские поэты» в работе «Поэзия новой России: Поэты полей и городских окраин» (1919). Термин предназначался и для отделения И. С. Никитина, А. В. Кольцова от современных Есенина, Клюева, Орешина, и для еще более четкого обособления последних от поэтов-пролетариев.

По мнению критика, «сила революционной поэзии Клюева в ее сплетенности с революционными настроениями восставшего народа» [12, с. 61]. В отличие от пролеткультовских критиков Львов-Рогачевский находит удачным соединение «революционного с религиозным». Оценивая в 1912 г. «Братские песни» как неверность своему настоящему пути в искусстве и классу, критик отмечает: «...Клюев, “полесник хвойных слов” из олоневского бора, принес мечту о “Белом ските”, он “нездешним очарован”, он сливает Голгофу с эшафотом, мученичество с мятежом, “братские песни” духоборов с марсельской солнценосцев – революционеров, сплетает “самосожженческий стих” с “яровчатыми стихами”» [Там же, с. 62-63]. Львов-Рогачевский усматривает в революционных стихах поэта «пророческое прозрение».

Продолжая рассуждение об отличиях пролетарских и «новокрестьянских» поэтов, критик утверждает, что Клюев, придя в город с «садами железа и гранита», выбрал роль «тихомудрого пахаря». В то время как пролетарские поэты «покончили с верой дедов, и с мифическим мировоззрением – охвачены научным мировоззрением» [17, с. 67]. Однако поэзия «новокрестьян» намного богаче, содержательнее, ярче и, самое главное, индивидуальнее, самобытнее творчества пролетарских поэтов. В статье «Новокрестьянская поэзия» в журнале «Путь» Львов-Рогачевский выделил в поэзии Клюева и его «ученика» Есенина описания природы, с которой они лучше знакомы, вкрапления народной культуры и религиозного настроения [11]. Поэтому Львов-Рогачевский и сожалел об уходе того же Есенина в акмеизм.

Но к 1924 году Клюев, по мнению критика, «отходит от дедовских и отцовских песен – стонов» [14, с. 33]. Руководствуясь строчкой из стихотворения «Безответным рабом» «...не стоном отцов / Моя песнь прозвучит, / А раскатом громов / Над землей пролетит» [3, с. 26], Львов-Рогачевский приближает Клюева к пролетарской литературе. Однако стихотворение «Безответным рабом» было одним из первых опытов Клюева еще на страницах поэтического сборника «Волна» (1905), потом оно вошло в сборник «Братские песни», об оценке которого Львовым-Рогачевским мы уже говорили выше. Клюев писал, отталкиваясь от революционных событий 1905 года. Поэтому выводы критика на основе ранней поэзии никак не могут быть подтверждением отдаления Клюева от крестьянских поэтов после 1917 года. В «Книге для чтения по истории новейшей русской литературы» (1926) Львов-Рогачевский верно отмечает не спонтанность революционных настроений Клюева, а продолжительное «глубокое переживание, родившееся в душе человека и гражданина» [8, с. 138].

Несмотря на зачастую верное понимание мировоззрения и творческого направления Клюева, Львов-Рогачевский дает вульгарно-социологическую интерпретацию как содержания, так и формы произведений поэта. На протяжении всех критических работ о Клюеве критик настаивал на наследственной связи «олоневского крестьянина» с Кольцовым. По его мнению, Клюев являлся продолжателем фольклорного певца XIX в., также пытавшегося в свое время соединить народное творчество и книжную поэзию.

Творчество Клюева широко обсуждалось в критике на протяжении всей его литературной карьеры (до ареста в 1934 году и ссылки в Нарым). Львов-Рогачевский, как представитель марксистской критики, смотрел на Клюева узко, под призмой вульгарного социологизма, что мешало ему всеобъемлюще понять мотивы и идеи поэзии крестьянина.

Список литературы

1. Азадовский К. М. Жизнь Николая Клюева. Документальное повествование. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2002. 368 с.
2. Ахматова А. А. Записные книжки (1958-1966). М. – Торино: Einaudi, 1996. 873 с.
3. Клюев Н. А. Братские песни (Книга вторая). М.: Новая земля, 1912. 61 с.
4. Клюев Н. А. Словесное древо. Проза. СПб.: Росток, 2003. 688 с.
5. Куняев С. С. Николай Клюев. М.: Молодая гвардия, 2014. 647 с.
6. Литературная энциклопедия. М.: ОГИЗ РСФСР, 1932. Т. 6. 920 стб.
7. Львов-Рогачевский В. Л. Без тьмы и без героя // Современный мир. 1913. № 1. С. 95-121.
8. Львов-Рогачевский В. Л. Книга для чтения по истории новейшей русской литературы. Л.: Прибой, 1926. 428 с.
9. Львов-Рогачевский В. Л. Н. Клюев. Братские песни // Современный мир. 1912. № 7. С. 325-326.
10. Львов-Рогачевский В. Л. Н. Клюев. Сосен перезвон // Современный мир. 1912. № 1. С. 343.
11. Львов-Рогачевский В. Л. Новокрестьянская поэзия // Путь. 1919. № 5. С. 57-61.
12. Львов-Рогачевский В. Л. Поэзия новой России: поэты полей и городских окраин. М.: Т-во «Книгоиздательство писателей в Москве», 1919. 192 с.
13. Львов-Рогачевский В. Л. Поэма запустения (И. А. Бунин) // Львов-Рогачевский В. Л. Снова накануне: сборник критических статей и заметок. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1913. С. 3-18.
14. Львов-Рогачевский В. Л. Поэт Низовки – Певец бродячей Руси // Город и деревня. 1924. № 8-9. С. 33-34.
15. Львов-Рогачевский В. Л. Поэты из народа // Рабочий мир. 1918. № 6. С. 9-14.
16. Львов-Рогачевский В. Л. Поэты из народа // Рабочий мир. 1918. № 8. С. 7-11.
17. Львов-Рогачевский В. Л. Пролетарские поэты // Путь. 1919. № 4. С. 61-68.
18. Львов-Рогачевский В. Л. Символисты и адамысты // День. 1913. 23 февраля.

POETRY BY NIKOLAI KLYUEV IN THE CRITICISM BY V. L. LVOV-ROGACHEVSKII

Bainin Sergei Vyacheslavovich

Vologda State University

sergeibainin@yandex.ru

The article examines one of the trends of the criticism of the 1910s – beginning of the 1920s of the creative work of the “peasant” poet N. A. Klyuev. In the pre-revolutionary period of 1917 the poet was discussed at the pages of national periodicals by the symbolists, acmeists, ideologists of “Golgotha” Christianity and others. Critic-Marxist V. L. Lvov-Rogachevskii outlined against the background of the others not only by his own opinion about Klyuev’s poetry and personality but also by the ideological principles he was guided.

Key words and phrases: “national” poet; Marxist criticism; vulgar sociology; social class; symbolism.

УДК 81'373.45

Филологические науки

В статье рассматриваются англоязычные заимствования в речи участников коммуникации в процессе собеседования при трудоустройстве на управленческие должности. Анализ англицизмов в речи участников собеседования показал, что использование заимствованной лексики определяется рядом факторов и, в целом, является средством реализации коммуникативной стратегии, в рамках которой происходит психолингвистическое «объединение» специалистов, разделяющих общую профессиональную и языковую картину мира.

Ключевые слова и фразы: англоязычные заимствования; собеседование при трудоустройстве; коммуникация; коммуникативная стратегия; языковая картина мира.

Балашова Татьяна Александровна, к. филол. н.

Санкт-Петербургский государственный институт культуры

3003088@mail.ru

**АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РЕЧИ УЧАСТНИКОВ СОБЕСЕДОВАНИЯ
НА УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ДОЛЖНОСТИ[©]**

Изучение заимствований, появление которых обусловлено взаимодействием языков, в настоящее время не теряет своей актуальности, так как пополнение словарного запаса языка – постоянный, непрекращающийся процесс. Масштабы, которые в последнее время приобрел процесс проникновения англицизмов в русский язык, позволяют исследователям говорить о массовой «колонизации» языкового сознания русскоязычных коммуникантов вообще и сознания специалистов и экспертов в частности [1, с. 81]. Специальные подязыки, обслуживающие профессиональную коммуникацию, в этом смысле наиболее уязвимы, так как